

АЛЕКСАНДР Николаевич Вертинский умер в 1957 году в Ленинграде во время гастролей. Он на четыре года пережил Сталина, застал начало «оттепели». И, говорят, в своем творчестве даже стал постепенно уходить от сентиментального минора в сторону оптимизма и радостной открытости.

Я не думаю, что это было искренне, он был очень печален последние годы жизни и, быть может, жалел о слишком раннем возвращении в Советскую Россию. Тем не менее Вертинского — апологета декаданса и камерности — выдвинули на Государственную премию СССР. Его попросили заполнить анкету.

— Вы кто — народный, заслуженный? — спросила девушка, оформляющая документы.

— Ах, душенька, у меня ничего нет, кроме мирового имени, — ответил ей Александр Николаевич.

В этом, слегка кокетливом ответе, — весь Вертинский. По словам близких людей это был непредсказуемый человек — благородный, инфантильный, немного неврастеник, немного донжуан. Он был посредственным вокалистом, писал далеко не выдающиеся стихи, более того — Александр Николаевич не знал нот и не умел играть ни на одном инструменте. И тем не менее каждое из даро-

ваний, скромное по отдельности, слившись воедино, явили уникальную в отечественной культуре личность.

Александр Вертинский по существу не менял репертуара за сорок лет артистической карьеры, как не менял и манеры исполнения. Он был гением нескольких шедевров, которые и через пятьдесят-шестьдесят лет поражают утонченностью интерпретации, интонационной пластикой.

Он не любил Лещенко, считал его дешевым кабацким певцом, сам тем не менее пел в ресторанах Бухареста и Шанхая; он утверждал, что никогда не покинет Родину, и все-таки отправился на пароходе в Стамбул. Он прекрасно был осведомлен в происходящем в России и, несмотря на это, нашел в себе силы перебраться в самый разгар Великой Отечественной — в 1943 году — в Читу. Там он и дал два концерта — зрителями его были раненые бойцы и врачи из военного госпиталя, рабочие эвакуированных с запада предприятий. Спираль, сделав круг, замкнулась. В 1913-м — паяц с раскрашенным лицом в подвальчике развлекал пресыщенную петербургскую аристократию. Через год должна начаться первая мировая война. И вот — 1943-й, Чита, II мировая...

Читая отрывки из мемуаров Вертинского «Четверть века без Родины», посвященные его бессарабским приключениям, помните, что были они написаны в конце сороковых годов... *Масодень Молдавия-Кишинев - 1990. - 15 февр.*

просам, стараясь выяснить, не является ли она «шпионкой отсюда». Добиться от нее ничего не могли, потому что это была обыкновенная буржуазная дама, убеждавшая из Советской России, как убегали сотни...

Она имела несчастье обратить на себя внимание всемирного «диктатора» Бессарабии — генерала Поповича. Изматывая ее допросами и запугивая, генерал в конце концов предложил ей сойтись с ним, обещая за это свободу. Дама отказалась. Генерал настаивал. Видя, что сломить ее упорство невозможно, разъяренный генерал приказал погнать женщину по льду Днестра обратно в Советскую Россию. В пять часов утра ее вывели на берег реки. Когда она отошла на некоторое расстояние, ей послали вдогонку несколько пуль.

Узнав об этом, Пападаки бросился в Бухарест, взял самого лучшего адвоката; не жалея денег, кидаясь по всем инстанциям, требуя расследования. Подавал жалобы министрам и даже дошел до короля. Но все было напрасно. Генерал был недосыгаем и неуязвим. Тогда Пападаки поднял на ноги прессу. За деньги, конечно. Оппозиционные газеты затеяли настоящую травлю генерала. Коллегия адвокатов заявила формальный протест в суде. Скандал разросся до небывалых размеров... И тем не менее дело замяли, грека куда-то запрятали и потом «ликвидировали».

Вот к этому самому генералу Поповичу я и попал со своими концертами. Приехал я из Констанцы через Бухарест прямо в Бессарабию, где рассчитывал исключительно на русское население. Сначала все было хорошо. Концерты мои давали отличные сборы, публика меня баловала до предельной возможности, друзья окружали заботой, вниманием и лаской. Но потом вдруг все неожиданно и странно изменилось. Как-то после концерта я ужинал со своими друзьями в саду местного Собрания. Мы сидели в ресторане, а дальше, в глубине сада, был кафешантан со столиками. Во время ужина мне стало жарко, я решил пройтись по саду. Не сказав никому ни слова, я вышел из-за стола и направился к ярко освещенному кафешантану. Остановившись у барьера, стал смотреть, как проделывали какой-то трудный номер немецкие акробаты.

Неожиданно из темноты сада ко мне подошла уже молодая дама.

— Вы м-сье Вертинский? — спросила она.

Я молча поклонился.

— У меня к вам просьба... Я певица, — она назвала какое-то имя, вроде Мира или Мара. — Я пою здесь... В субботу у меня бенефис. Я бы хотела, чтобы вы выступили у меня в этот вечер.

Я был удивлен.

— Вам, вероятно, известно,

мадам, что я связан договором с менеджером. Кроме того, у меня в субботу собственный концерт, который я не могу отменить, и, помимо всего, я никогда не выступаю в кафешантанах.

— Значит, вы мне отказываете? — улыбаясь, спросила она.

— Я не вижу возможности исполнить вашу просьбу, мадам.

— Вы пожалеете об этом! — глядя мне прямо в глаза, вызывающе сказала она.

Я пожал плечами и отошел. Вернувшись к своему столу, я забыл об этом эпизоде и не рассказал о нем никому из друзей. Вот это-то и было моей роковой ошибкой.

В СТЕПИ МОЛДАВАНСКОЙ

На другое утро я уехал из Кишинева в турне по Бессарабии. Трудно передать чувства, которые охватили меня при виде нашей русской земли, такой знакомой, такой близкой и дорогой сердцу и в то же время такой «чужой». Русские вывески: «Аптека», «Трактор», «Кондитерская», «Ренсковый погреб», «Бакалейная торговля» — вызывали во мне чувство нежности. Слово я повстречался с милыми, давно забытыми людьми моей юности. Слово я через много лет вернулся в родной город и меня встречают уже иные, незнакомые лица. Но все уже это «свой» — люди моего города. Носильщики на вокзалах, извозчики, продавцы в магазинах, нищие — все говорили по-русски. Человеку, оторвавшемуся от родной почвы и жившему долго у чужих, это было ново, радостно и до слез приятно. В запряженном парой худых клыч провинциальном фазтоне, на козлах которого гордо восседал извозчик Янкель — тоже худой и длинный, как жердь, с рыжеватой седой библейской бородой, мы покатались в ясный солнечный день по нашей — «почти нашей» — русской земле в Молдавские степи. Те же милые сердцу белые хаты, те же колодцы с жестянными распаятьями, как у нас на Украине, те же подсолнухи, кивающие из-за тына, тот же воздух, то же солнце, те же птицы.

Что за ветер в степи Молдавской... Как поет под ногами земля...

— танцевали у меня в голове первые строфы будущей песни. Коляска подпрыгивала, Янкель что-то напевал о строгой учительнице, которая обманывала своего «ребенка», и хотя пел он по-еврейски, но выходило как-то по-русски. Так, вероятно, пел еврей-ямщик и где-нибудь на Украине. Встречные возы с сеном, запряженные такими же русскими волами, давали нам дорогу, сворачивая со шляха. Крестьяне кланялись, снимая шапки.

(Продолжение следует.)

Возле меня стал вертеться маленький юркий «театральный человечек» — русский грек, некий Кирьяков. У него родилась «идея» повезти меня в Румынию, главным образом в Бессарабию, где было коренное русское население и где можно было на мне «заработать». Выбирать мне не приходилось. Я искренне обрадовался этому предложению и стал готовиться к отъезду. Вскоре у меня появился греческий паспорт, купленный Кирьяковым за сто лир на имя греческого подданного, рожденного в городе Киеве, Александра Вертидиса (так переделал мою фамилию предприимчивый Кирьяков для большего сходства с Грецией). О родителях было сказано, что отец из Афин, а мать — с Украины. В общем получался недурной «коктейль».

Однажды, рассказали мне, в Кишиневе появилась русская женщина, отличавшаяся необыкновенной красотой. Она тайком перешла границу по льду Днестра у Тирасполя, а оттуда пробралась в Кишинев, где ее принял богатый одесский грек Пападаки, владелец кино «Орфейум». Эта женщина должна была ежедневно являться в комендатуру, ее подвергали до-